

УДК 902:739.5(470+571)
DOI: 10.17223/19988613/68/3

Л.А. Беляев

РУССКИЕ ПОДВЕСНЫЕ КРЕСТЫ И ИКОНКИ XVII–XIX ВЕКОВ: СИБИРСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Статья подготовлена в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси – археологическое измерение». Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Ставится вопрос о необходимости новой методики анализа предметов христианского благочестия, в первую очередь литых из сплавов меди и вообще металлических. Многочисленность и популярность металлических литых изделий в России XVII–XIX вв. выделяет их в один из признаков своеобразия культуры Московского царства. Сибирь особо важна, так как христианская мелкая пластика имеет здесь нижнюю границу появления, конец XVI в. Работа с локальными, этноконфессионально окрашенными вариантами предметного мира способствует развитию «русской археологии» Сибири и ускоряет формирование национальной археологии всей России.

Ключевые слова: молитвенные образы; подвесные кресты и иконы; Сибирь; Московское государство; национальная археология России.

В статье¹ предлагаются новые версии в подходе к изучению малой пластики с христианскими сюжетами конца Средневековья и Нового времени в России. Это подходы картографический и хронологический, т.е. вполне традиционные, но в тесной связи с корректировкой принятых приемов типологии / иконографии, а также с этнокультурной и этноконфессиональной проблематикой. Таким образом, статья строится как постановка задачи, как формулирование вопросов, которые следует задать давно известному, очень обильному и вместе с тем чрезвычайно рыхлому, сравнительно плохо структурированному материалу. Конкретная, практическая цель этой ревизии методов – найти возможность использовать огромную и крайне привлекательную для «знаточеского» изучения (в том числе для коллекционирования) общность предметов в работе по формированию национальной археологии России, причем с опорой на огромное пространство от Урала до Тихого океана. Вероятный инструментальный результат здесь может быть достигнут в области хронологии, истории технологии, археологии потребления, культурных контактов и т.п. Однако рисуется более общая и высокая цель – выделить еще одну дефиницию, определяющую культурное своеобразие Московской Руси в «длинном» интервале от зарождения во второй половине XII–XIV в. до финала в империи Нового времени (а отчасти даже в новейший период и в современном срезе).

Эта работа вписывается в уже существующий контекст национальной археологии России, где за последние 20–40 лет удалось, как представляется, выстроить методику работы с локально окрашенными варианта-

ми предметного мира. Оказалось, что они способны служить доказательными и понятными признаками для выделения культуры ранней Москвы и Московского царства. Эти элементы обнаруживают генетическую связь со средиземноморским кругом, причем в самых различных, часто далеко отстоящих друг от друга по хронологии и территории вариантах. Таким образом, установление происхождения отдельных элементов помогает выделять этнокультурные маркеры. Но, сколь ни ценно оно само по себе, это лишь один из элементов генезиса. Гораздо важнее выявление особенностей механизма запроса на новшества, их восприятия и дальнейшей переработки, использования, приспособления к местной культурной среде [1, 2].

Итак, выделяемые элементы в основном заимствованы в тех или иных областях культуры Запада, реже исламского Востока. Но это только первая стадия генезиса. Основой является не заимствование (лучше сказать – знакомство) с тем или иным классом объектов, но выбор образца и его последующее присвоение, часто связанные с выработкой характерного, узнаваемого местного типа и его дальнейшим широким распространением. В результате составляются хорошо выраженные, выглядящие как вполне самостоятельные группы предметов с особыми хронологическими и географическими рамками, отвечающими распространению власти великого князя, а затем царя Московского. Среди наиболее точных культурных признаков – погребальные древности: такие неоспоримо «московские», как антропоморфные белокаменные саркофаги с их четкой привязкой к слою родовой аристократии и не менее четкими временными рамками рубежа

XIV / XV – середины XVII в. (библиографию и дискуссию см.: [3]); связанные с ними и практически синхронные им намогильные плиты XIV–XVII вв. [4]; недавно выделенные на основе аналогии орнамента и хроногеографии распространения белокаменные «московские» кресты [5]. Их распространение показывает отчетливую связь с московской традицией – несмотря на то что в большинстве это тяжелые и громоздкие изделия, по сути – малые архитектурные формы.

В области вещевой укажем на столь же зависящие от движения московской «моды» предметы, например чашечки для елеопомазания, появляющиеся в погребениях с конца XIV в. [6], и особые виды текстильных изделий (импортный характер многих из них не меняет дела: как выясняется, платежеспособный спрос московского рынка эффективно влиял на столь отдаленные сферы, как производство и торговля сукнами в Северной Европе, что подтверждает хронокартография пломб) [7]. Не столь выразительны, но до известной степени показательны также некоторые техноформы бытовой керамики, такие как индустрия московской «красной» посуды XV–XVI вв. Два последних элемента имеют продолжение и после завершения московского этапа культуры, протягиваются в XVIII–XIX вв., меняя при этом внешнее обличье.

В более позднее время, в XVII в., очевиден новый, оригинальный (хотя и с явным европейским генезисом) вид продукции – характерные московские изразцы, тесно связанные с архитектурой, бытом, художественной жизнью Московского царства (см.: [8] и другие работы автора). В области архитектуры даже делеция культурных элементов, как ни парадоксально, способна обозначить особую московскую традицию. Так, использование черепицы, производство которой выходит в Московии XVI–XVII вв. на высокий технологический уровень, характерно только для этой эпохи: в XI–XV вв. такой тип кровельного покрытия не применяли вовсе, а после «архитектурной революции» Петра I он так и не получил серьезного распространения. Очень важны как генезис этого элемента (показавший зависимость от итальянского строительства, а в нем – от практики архитекторов-витувианцев [9]), так и рождение местных форм и их очевидная привязанность к сакральным и высоко статусным сооружениям, т.е. церквям (в основном главы и вообще покровные покрытия), дворцам, башням крепостей [10].

Это, конечно, далеко не весь спектр материальной культуры Московского царства, и совсем не обязательно, что элементы «московскости» окажется возможным выявить во всех ее разделах. Но особенно популярные, многочисленные, явно выделяемые потребителям изделия давно следует рассмотреть с этой точки зрения.

Безусловно, к ним относятся христианские молитвенные апотропеи – подвесные иконки и кресты (последние, собственно, являются разновидностью иконок). Они были широко распространены и образовали легко выделяемую уже на визуальном уровне (с учетом форм, особенностей техники и функций) область характерных русских изделий XVI–XVII вв. Они имеют все те же характерные особенности: типология и

иконография обнаруживают родство не столько со старовизантийской традицией, сколько с общехристианскими формами эпохи Контрреформации в Европе, однако в московской версии они несколько трансформированы, так что способны служить образцами именно русской православной пластики и в XVIII, и в XIX в. Да и распространены они здесь гораздо шире, чем на Западе. Примером могут служить крестики с «лучами» и орудиями Страстей, встречаемые на кладбищах воинов и первопроходцев второй половины XVII – первой половины XVIII в. от Азова и Дербента до острогов Сибири и Дальнего Востока (Албазинский, Илимский и др.), хотя исходный центр помещался, очевидно, в Центральной России, если не прямо в Московском уезде. Характерны и ромбические богато декорированные кресты, и появляющиеся (явно под влиянием католической иконографии) сцены Распятия на фоне виноградных лоз, и другие вестернизированные версии [11].

Нет ни возможности, ни нужды говорить о всем многообразии русской литой церковной пластики XVII–XIX вв., ей уделяется достаточно внимания, издаются специальные сборники и монографии [12, 13], проводятся выставки. Но следует отметить ее исключительную массовость и мобильный характер; то и другое очень важно для исследования передвижения «московских людей» в пространстве, а также для изучения проникновения таких изделий в конфессионально и этнически инородную среду.

Это, конечно, очевидные факты. Как превратить их в инструментальные? Вероятно, следует уйти из области «знаточества» и «коллекционирования». Не секрет, что изделия православной литой пластики в России служат предметом собирательства, по крайней мере с XIX в., и этот процесс не был остановлен даже в атеистический период, а с 1980-х гг. стал широко распространенным увлечением. Известна также ненадежность хронологии изделий: при более или менее ясных датах начала их умножения дробные ступени развития выделяются, скорее, интуитивно, с опорой на авторитет «знатока» или музейного эксперта (как правило, следующего в русле той же самой традиции).

Не легче обстоит дело и с конфессиональной характеристикой этого материала. В литературе свободно гуляют такие термины, как «старообрядческая пластика», «старообрядческое литье» и им подобные. Несомненно, центры литья последователей старого обряда существовали, их продукция изучалась. Но вот использование ее на пространстве России, принятие или отторжение ее иконографии в «народной церкви», т.е. представителями традиционного православия, всерьез до сих пор не рассмотрены, так же как нет и попыток обратного; правильно было бы установить, до какой степени произведенные православными литые изделия оказывались под запретом для блюстителей старой веры (речь, конечно, идет только о таких изделиях, где признаки никоновской реформы не выражены наглядно). Говоря короче, нет смысла именовать всю общность литой пластики второй половины XVII – XIX в., особенно в отдаленных районах Севера и в Сибири, «старообрядческим литьем».

Можно сказать, что перед нами две технические задачи. Первая – на основе надежных свидетельств выделить хронологические маркеры развития религиозной малой пластики. Такими маркерами должны служить точно датированные независимыми материалами закрытые археологические комплексы. Недавно, когда возникла необходимость проверить традиционными способами типологии / иконографии сомнительную дату литого изделия, установленную естествен-

нонаучным методом, выяснилось, что пределах XV–XVIII вв. (и даже позднее) основа для такой датировки пока отсутствует (речь идет о литом кресте-энколпионе из Новодевичьего монастыря, в конце концов датированном второй половиной XVI – концом XVII в. по стратиграфии, в то время как естественнонаучная дата указала на время не ранее конца XIX в., а иконографическая «музейная» указывала на вторую половину XV – середину XVI в.) (рис. 1, 1) [14].

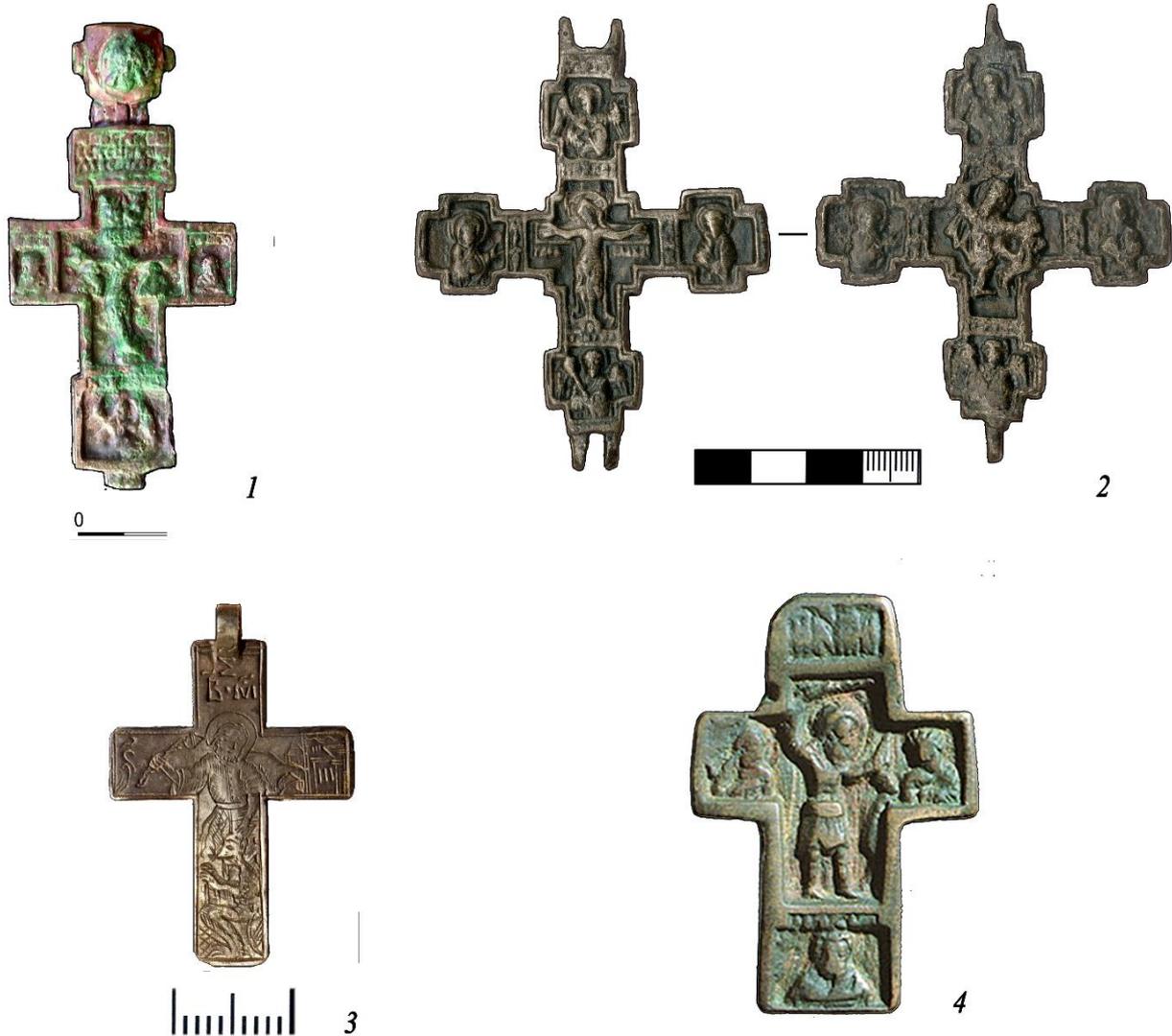

Рис. 1. Крест-энколпион второй половины, лицевая сторона, литье, XVI–XVII вв.; Новодевичий монастырь, Москва, раскопки ИА РАН, 2017 г. (1); крест-энколпион, литье, XIV–XV вв.; Зачатьевский (Алексеевский) монастырь на Остоженке, Москва, раскопки ИА РАН, 2000-е гг. (2); подвесной крест, гравировка, чернь, вторая половина XVII в.; Новодевичья слобода, Москва, раскопки ИА РАН, 2015 г. (3); подвесной крест, литье, эмаль, XVII в.; Данилов монастырь, Москва, раскопки 1980-х гг. (4)

Именно здесь кажется важным привлечь ресурсы «русской археологии» Сибири. Совершенно очевидно, что историческая канва ее освоения переселенцами из-за Урала позволяет выработать коллективный *terminus post quem* – последняя четверть XVI в. Конечно, этого недостаточно для точной градуировки, основой которой должен послужить материал сибирских объектов, имеющих точную дату основания (таких объектов, прежде всего острогов, значительное количество, и они усиленно изучаются в последнюю четверть века). Давно следует составить полный свод изделий религи-

озной литой малой пластики, обнаруженных при раскопках памятников русского присутствия на восток от Урала, выделив образцы с твердой нижней (еще лучше бы, конечно, просто с твердой) датой. Трудно сказать, насколько подъемным трудом окажется такая сводка, но нет сомнений в том, что грант на подобную работу не пропадет зря, а поставленная в качестве задачи аспиранту, обладающему должными амбициями, она получит все шансы на успешную защиту. Можно, конечно, и разделить тему в пространстве, поручив такие сборы исследователям отдельных регионов.

Следующим этапом работы, если и когда она будет исполнена, видится сравнение получивших даты образцов с общей картиной имеющихся аналогичных изделий. После чего, возможно, появится почва для выделения региональных особенностей набора предметов – его нужно будет пополнить материалами из музейных коллекций и даже частных собраний, где они лишены надежных паспортов. Все это даст надежду на выявление групп изделий, связанных с той или иной конфессиональной группой христианского населения Сибири. Надежда эта, думается, не слишком велика, но лучше получить отрицательный ответ, чем без оснований делить предметы на старообрядческие и ортодоксальные.

Речь, конечно, не только о выделении старообрядческой пластики. Важно рассмотреть и более ранние иконографические модели, получить ясное суждение об их источнике.

Полагают, что для XIII–XV вв. маркером новгородского присутствия следует считать сюжет «Гроб Господень», принадлежащий к кругу европейских паломнических сюжетов эпохи поздней романики, – иконографические штудии это подтвердили (так же как интерес к нему старообрядцев, не видевших, конечно, в этом сюжете латинских нитей). [15; 16. Табл. 67]

В связи со всем этим, по-видимому, должно быть сформировано и особое направление «народной», апокрифической иконографии с ее удивительно далеко простирающимися побегам. Яркий пример таковой – увлекавший многих исследователей сюжет побиения беса святым Никитой (в последние два десятилетия учетом изделий с такой иконографией много занимается В.В. Хухарев, подсчеты которого интересны) [17, 18]. Деяния этого персонажа, уже в Средние века отслоившись от апокрифического жития святого Никиты Готфского, проникли в часть Прологов и в область гимнографии. Святой Никита оказался, наряду со святым Николаем Мирликийским (от которого его, впрочем, многое отличает) одним из самых почитаемых святых в народной религии России. Его Житие включалось в некоторые Прологи и Минеи Четьи, но не смогло там удержаться и при ревизии древнерусских церковных сочинений в первой четверти XVIII в. попало под запрет. По определению Синода, оно было изъято из официальной церковной книжности, а Никита Бесогон исключен из церковных календарей (полную библиографию см.: [19]).

Отмеченная еще в XIX в. странная приверженность к изображениям этого святого, которые включались и в клейма подвесных крестов всех видов, и, реже, в подвесные или путевые иконки, вряд ли требует объяснений. Ее следует просто признать как наблюдаемый на материале историко-этнографический факт, отметив, что герой-победитель злого начала выглядит естественной фигурой в ряду святых защитников. Выбор именно его из достаточно обширного списка допустимо объяснять тем, что на Руси этот сюжет оказался связанным и со значением имени святого (победитель), и с образованным от этого слова именем креста (Никитирион).

Очевидное народное почитание святого само по себе уже включает его в набор специфически московских сюжетов. Конечно, район или точка, откуда началось распространение иконографии, с неизбежностью стали вопросом дискуссии. Изначально считалось, что этот район – Тверь и другие земли Северо-Запада. Более того, на такой основе делались выводы о заселенности тех или иных районов Москвы выходцами из тверских пределов [20]. По мере расширения работ становится все яснее, что, как бы ни выглядел генезис предметов с такой иконографией, в Москве XV–XVI вв. они были распространены не менее, чем в других местностях. Фактически нет ни одного изученного археологами монастыря в Москве, где сюжет «Никита мучает беса» не был бы представлен серией находок, причем встречаются они и на приходских кладбищах, давая подчас исключительно яркие, практически уникальные образцы (рис. 1, 2, 3, 4).

Несомненно, необходим отдельный свод с картограммой встречаемости, который включит не только памятники до конца московского периода, но и более поздние. Априорно считается, что его и позже продолжали почитать в среде староверов, так что апокрифический сюжет «мучения беса» после его изъятия из святцев (отчасти, возможно, именно поэтому) сохранил популярность, получил исключительно широкое распространение за Уралом и встречается чаще всего в тех районах, которых достигали и где селились русские первопроходцы в XVII–XIX вв.

Возможно, все это так и есть, но хотелось бы увидеть статистические подтверждения, причем в сравнении с другими сюжетами, на фоне общих подсчетов, примерно так, как это было сделано в свое время с каменными иконками Т.В. Николаевой [16]. Это очень многодельная работа, но и она осуществима, если начать с определенных локусов с перспективой собрать затем таблицы воедино. Отметим, что спонтанно достоверность утверждений подтверждается не во всех выборках. Так, в часто используемой сводке крестов из Илимского острога нет не только изображений Никиты Бесогона, но и вообще святых – представлены только стандартные (при всей их развитости) христологические композиции. Совершенно такую же картину дают находки в Албазинском и некоторых других острогах [21, 22]. Возможно, в чисто этнографических сборах религиозной пластики Сибири, относящихся к концу XVIII–XIX в., картина будет иной².

В завершение отметим еще одну сторону рассмотрения христианской металлопластики в сибирской перспективе. Должным образом изученная, она обещает ярче осветить процесс формирования евразийского пространства, показать важные элементы единой культурно-ментальной матрицы, обычно менее заметной, но гораздо более надежной и позитивной, чем административно-политические скрепы. Работа с локальными, окрашенными этноконфессионально вариантами предметного мира на огромном пространстве от Урала до Тихого океана будет способствовать не только развитию «русской археологии» Сибири, она ускорит формирование национальной археологии всей России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья представляет текст доклада на конференции, поэтому снабжена сносками только на самую общую литературу. Полный ее обзор – дело будущего.

² Во всяком случае в области нелегальной торговли литые предметы (в основном иконки-плакетки) с таким сюжетом представлены очень хорошо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Л. А. Историческая археология России: неожиданные перспективы // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2018. М., 2019. С. 121–133.
2. Беляев Л.А. Археология России Нового времени: тенденции развития // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 66–70.
3. Беляев Л.А. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 219–232.
4. Беляев Л.А. Надгробие (до XVIII в.) // Православная энциклопедия. М. : Православная энциклопедия, 2017. Т. 48. С. 284–292.
5. Алексеев А.В., Кузьменко С.В. Московские средневековые каменные кресты с геометрическим декором. Москва ; Звенигород, 2020. 124 с.
6. Беляев Л.А. К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare. Археология и история. Смоленск : Свиток, 2017. С. 119–136.
7. Беляев Л.А. Свинцовые пломбы Москвы и стратиграфия раскопа № 7/2015 в Зарядье // Нескончаемое лето : сб. статей в честь Елены Александровны Рыбиной. М. ; Великий Новгород, 2018. С. 24–26.
8. Баранова С.И. Русский изразец : записки музейного хранителя. М. : МГОМЗ, 2011. 432 с.
9. Баранова С.И., Беляев Л.А. Рождение черепицы: первые керамические кровли Руси (XV в.) // Комплексный подход в изучении Древней Руси. М., 2019. С. 25–26.
10. Беляев Л.А. Наброски по археологии Ренессанса в России XVI века // Археология художественного видения: художественно-исторические контексты. М. : РГГУ, 2019. С. 212–234.
11. Гнутова С.В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX веков. // Россия и христианский Восток. URL: <https://rosvos.net/christian-culture/12/1/1/>
12. Русское медное литье : сб. статей / сост. и науч. ред. С.В. Гнутова. М. : Сол Систем, 1993. Вып. 1-2. 43, 200 с.
13. Беляев Л.А. Нателный крест // Православная энциклопедия. М. : Православная энциклопедия, 2017. Т. 48. С. 430.
14. Беляев Л.А. Крест из Новодевичьего монастыря: археологический контекст и типология энколпионов XVI–XVII вв. // Российская археология. 2020. № 4. В печати.
15. Беляев Л.А. Пространство как реликвия: о назначении и символике каменных иконок Гроба Господня // Восточно-христианские реликвии. М., 2003. С. 482–512.
16. Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня, XI–XV вв. М. : Наука, 1983. 161 с.
17. Хухарев В.В. Кресты и иконки с сюжетом «Никитино мучение» // Археология Подмосковья. М. : Ин-т археологии РАН, 2015. Вып. 11. С. 455–466.
18. Хухарев В.В. Святой влкъ. Никита, погонитель бесов – в медном литье старообрядцев // Рябининские чтения – 2015. Петрозаводск : Музей-заповедник «Кижский», 2015. С. 246–250.
19. Крюкова А.Н., Прокопенко Д.В., Макаров Е.Е., Саенкова Е.М. Никита, великомученик Готфский // Православная энциклопедия. М. : Православная энциклопедия, 2018. Т. 49. С. 525–535.
20. Векслер А.Г., Беркович В.А. Находки нателных крестов с изображением святого Никиты-бесогона из раскопок на улице Большая Дмитровка в Москве // Статвографический сборник. М., 2005. Кн. 3. С. 223–230.
21. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
22. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. 335 с.

Leonid A. Belyaev, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: labeliaev@bk.ru

RUSSIAN PENDANT CROSSES AND ICONS OF THE 17th–19th C. IN THE SIBERIAN OUTLOOK

Keywords: devotional images; pendant crosses and icons; Siberia; Moscow state; national archaeology of Russia.

The article raises the question of the need for a new method of processing objects of Christian piety, primarily cast from copper alloys and metal in general. They are still studied in the same ways as the rather rare hanging icons made of stone, precious metals, wood and bone. In contrast, metal cast products in Russia in the 17–19th centuries. were exceptionally numerous. This popularity itself turns them into one of the signs of the uniqueness of the culture of the Muscovy, inherited and developed by the peoples of the Russian Empire. The excessive number of metal icons and crosses presupposes their statistical processing and mapping. But these methods are difficult to apply if each product is included in the catalog as a unique item with a detailed description. It is necessary, archaeologically fixing each find and including in the review all items of museum storage, to obtain, on their basis, a complete picture of the occurrence of individual form-types of products, establish their more detailed chronology, highlight and compare iconographic subjects in different parts of the country. Siberia is especially important, since Christian small plastic art has a lower limit of appearance here, the end of the 16th century. In addition, many monuments of the Russian development of Siberia did not exist for too long, the finds on them have narrow dates. It is assumed that certain plots of iconography, such as the apocryphal scene of Saint Nikita beating the demon, persisted longer and were more widespread than in European Russia, possibly due to the large percentage of adherents of the old faith. However, until now the publications of Siberian collections do not support this hypothesis. One way or another, the place of this saint in the folk religion of Russians in Siberia may shed light on the reasons for his high popularity, on the reasons for the singling out of this particular Byzantine saint among the host of other ascetics as revered mainly by Orthodox Russians.

It is likely that a broader and more systematic coverage of the material will make it possible to more clearly identify the features of Russian religious plasticity, finally securing for this gigantic community the nature of the definition of the Russian presence, the bearer of special cultural features developed in the era of the Muscovite kingdom. It promises to be on a par with such already clearly identified, but far from so widespread in space and time, features of "Moscowness" as anthropomorphic sarcophagi, special tombstones, burial vessels and stone crosses, some forms of ceramic products, tiles from the 17th century. Such work with local, ethno-confessional-colored variants of the objective world contributes to the development of "Russian archeology" in Siberia and accelerates the formation of national archeology throughout Russia.

REFERENCES

1. Belyayev, L.A. (2019) Istoricheskaya arkhologiya Rossii: neozhidannye perspektivy [Russian historical archeology: unexpected prospects]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN. 2018* [Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences. 2018]. Mosco: RAS. pp. 121–133.
2. Belyaev, L.A. (2017) Historical Archaeology in Russia: New Directions of Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 49. pp. 66–70. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/49/12
3. Belyaev, L.A. (2018) Chronology of Anthropomorphic Sarcophagi in Medieval Russia of the 15th–17th Centuries. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii – KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 252. pp. 219–232. (In Russian).
4. Belyaev, L.A. (2017) Nadgrobiye (do XVIII v.) [The tombstone (until the 18th century)]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 48. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 284–292.
5. Alekseev, A.V. & Kuzmenko, S.V. (2020) *Moskovskie srednevekoveye kamennye kresty s geometricheskim dekorom* [Moscow medieval stone crosses with geometric décor]. Moscow; Zvenigorod: RAS.
6. Belyaev, L.A. (2017) K istorii i metodike izucheniya pogrebal'nykh sudov Pozdnego Srednevekov'ya [On the history and methods of studying the burial vessels of the Late Middle Ages]. In: Belyaev, L.A. & Gonyany, M.I. (eds) *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya* [De mare ad mare. Archeology and History]. Smolensk: Svitok. pp. 119–136.
7. Belyaev, L.A. (2018) Svintsovyye plomby Moskvy i stratigrafiya raskopa № 7/2015 v Zaryad'e [Lead seals in Moscow and stratigraphy of excavation No. 7/2015 in Zaryadye]. In: Singkh, V.K. (ed.) *Neskonchaeomoe leto* [Endless Summer]. Moscow; Velikiy Novgorod: [s.n.]. pp. 24–26.
8. Baranova, S.I. (2011) *Russkiy izrazets. Zapiski muzeynogo khranitel'ya* [Russian tile. Notes of a museum curator]. Moscow: MGOMZ.
9. Baranova, S.I. & Belyaev, L.A. (2019) Rozhdenie cherepitsy: pervye keramicheskie krovli Rusi (XV v.) [The birth of tiles: the first ceramic roofs in Russia (15th century)]. In: Konyavskaya, E.L. (ed.) *Kompleksnyy podkhod v izuchenii Drevney Rusi* [An Integrated Approach to the Study of Ancient Russia]. Moscow: Indrik. pp. 25–26.
10. Belyaev, L.A. (2019) Nabroski po arkhologii Renessansa v Rossii XVI veka [Sketches on the Archeology of the Renaissance in Russia in the 16th century]. In: Limanskaya, L.Yu. (ed.) *Arkheologiya khudozhestvennogo videniya: khudozhestvenno-istoricheskie konteksty* [Archeology of Artistic Vision: Artistic and Historical Contexts]. Moscow: RSUH. pp. 212–234.
11. Gnutova, S.V. (n.d.) *Orudiya Strastey Khristovykh na russkikh krestakh XVII–XIX vekov* [Instruments of the Passion of Christ on Russian crosses of the 17th – 19th centuries]. [Online] Available from: <https://ros-vos.net/christian-culture/12/1/1/>
12. Gnutova, S.V. (ed.) (1993) *Russkoye mednoe lit'e* [Russian copper casting]. Vol. 1–2. Moscow: Sol Sistem.
13. Belyaev, L.A. (2017) Natel'nyy krest [Baptismal cross]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 48. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. p. 430.
14. Belyaev, L.A. (2020) Krest iz Novodevich'ego monastyr'ya: arkhologicheskii kontekst i tipologiya enkolpionov XVI–XVII vv. [Cross from Novodevichy Convent: Archaeological Context and Typology of Encolpions of the 16th–17th centuries]. *Rossiyskaya arkhologiya – Russian Archeology*. 4. [In print].
15. Belyaev, L.A. (2003) Prostranstvo kak relikviya: o naznacheni i simbolike kamennykh ikonok Groba Gospodnya [Space as a relic: on the purpose and symbolism of the stone icons of the Holy Sepulcher]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Vostochno-khristianskie relikvii* [Eastern Christian relics]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 482–512.
16. Nikolaeva, T.V. (1983) *Drevnerusskaya melkaya plastika iz kamnya, XI–XV vv.* [Old Russian small plastic made of stone, the 11th – 15th centuries]. Moscow: Nauka.
17. Khukharev, V.V. (2015) Kresty i ikonki s syuzhetom “Nikitino mucheniye” [Crosses and icons with the plot “Nikita’s torment”]. In: Engovatova, A.V. (ed.) *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archeology of the Moscow Region]. Vol. 11. Moscow: RAS. pp. 455–466.
18. Khukharev, V.V. (2015) Svyatoy vlkm. Nikita, pogonitel' besov – v mednom lit'e staroobryadsev [Holy Great Martyr Nikita, the Exterminator of Demons, in the copper casting of the Old Believers]. In: Ivanova, T.G. (ed.) *Ryabininskie chteniya – 2015* [The Ryabinin Reading – 2015]. Petrozavodsk: [s.n.]. pp. 246–250.
19. Kryukova, A.N., Prokopenko, D.V., Makarov, E.E & Saenkova, E.M. (2018) Nikita, velikomuchenik Gotfskiy [Nikita, the Great Martyr of Gotf]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 49. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 525–535.
20. Veksler, A.G. & Berkovich, V.A. (2005) Nakhodki natel'nykh krestov s izobrazheniem svyatogo Nikity–besogona iz raskopok na ulitse Bol'shaya Dmitrovka v Moskve [Finds of pectoral crosses depicting St. Nikita the Exorcist from excavations on Bolshaya Dmitrovka Street in Moscow]. In: Soloviev, V. (ed.) *Stavrograficheskiy sbornik* [Stavrographic Collection]. Vol. 3. Moscow: Moscow Patriarchate; Drevlekhranilishche. pp. 223–230.
21. Molodin, V.I. (2007) *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga* [Crosses of the Ilimsk fortified town]. Novosibirsk: Infolio.
22. Artemiev, A.R. (1999) *Goroda i ostrogi Zabaykal'ya i Priamur'ya vo vtoroy polovine XVII – XVIII vv.* [Towns and forts of Transbaikalia and the Amur Region in the second half of the 17th – 18th centuries]. Vladivostok: [s.n.].